

МАЛЕНЬКИЙ И ВЕЛИКИЙ

В грязной луже сидела женщина и гнусаво пела скверную песню. Мимо шел человек. Он подошел к женщине и, не взирая на отчаянное сопротивление, стал вытаскивать ее из лужи. Этот человек был Горький.

Много лет спустя появился рассказ о поруганной чистоте — «Страсти-мордасти». Он был опубликован в 1917 году и вошел в цикл «По Руси». Ленин особенно любил этот рассказ Горького.

То ли запомнилась с тех, почти юношеских лет, то ли родилась в воображении Горького позже деталь-образ, емкая и многозначная. В «грязной жирной воде отражалась большая звезда». Она исчезала, когда лужа покрывалась рябью, а потом появлялась снова — большая и яркая.

Другие не замечали эту звезду, потому что опасались запачкаться в луже, а он наклонился над ней и увидел. Отыскивать красоту в грязи российской действительности — стало его призванием, ибо никто не чувствует звезды так мучительно

осязуемо, как

человек, сумевший заметить их сияние под ногами, в грязи.

Придя в литературу, Горький поразили читателей неожиданностью контрастов. «Переходы от потрясающих теней к ликующему свету... создали Горькому совершенно своеобразное лицо, резко отличающее Горького от всех других писателей нашей страны», — писал Луначарский.

Контраст был излюбленным художественным приемом многих творцов, преимущественно романтической школы, в нем они ощущали, предчувствовали соль жизни — борьбу. Но никто так, как Горький, не проник в душу контраста, не насытил его социальным содержанием, извлеченным из обыденного житейского факта.

Контрастность стала манерой Горького, его стилем. Источник ее — в осознании несовместимости сущего с желаемым, смрадной действительности, уготованной российским капиталом трудящемуся человеку, и всем тем, что

составляло духовную жизнь, мечту лучших людей России.

Требуется, чтобы человек однажды сказал себе: «Аз есмь создатель мира». Именно отсюда и только отсюда — может родиться новый человек, новая история., С. с. т. 29, стр. 104.

Пройдя немалый и трудный путь поисков, уже прославленный писатель пролетарского искусства, автор «Мещан», «Матери», «Врагов», он шел дальше и выше, к новым открытиям, насытившим плотью новые горьковские контрасты.

Горький много думал, живя в Италии, о характере, помыслах и стремлениях народа, о его роли в судьбах родины. И чем больше размышлял Горький о жизни, тем сильнее привлекал его тот человек, которого он назвал «маленьким» человеком, скромный путник на дорогах жизни, взваливший на себя нелегкую ношу труда.

Настойчиво повторяет Горький в 1910-е годы, что писать должно о простом, обычном, повседневном.

«Типично, интересно, поучительно — простое, обыденное. Изобразите его так, чтобы за ним чувствовалось свойственное ему глубокое содержание — это будет искусство», — писал он в письме к неизвестному в феврале 1913 года.

Как всегда, его слова с кем-то спорят. В эти годы у него было два главных врага — самодержавно-капиталистический строй и декадентская литература.

Декадентскую литературу он называет литературой «о шестом пальце» — за ее пристрастие к извращенной психике, исключительным, ненормальным явлением. Он порывает с журналом «Заветы» за то, что в журнале был напечатан роман Ропшина. «То, чего не было», где революционный вождь изображался как нытик и эгоист с раздвоенной психикой.

Задача искусства — «общезначимое, типическое», — пишет Горький в статье «О современности».

Но, конечно, не полемика с декадентами заставила его задуматься об истинном содержании обыденных явлений жизни, о существовании простых людей, ничем будто бы не выделяющихся среди общей массы.

Полемика с декадентами была следствием, а не причиной, которая крылась в самой жизни, в пристальном исследовании ее, приведшем писателя к более определенному и четкому пониманию роли народных масс в истории, в творчестве культуры. Все статьи, написанные Горьким после первой русской революции, исследуют самый большой для него вопрос.

Одной из причин поражения революции 1905—1907 гг. В. И.

Ленин считал недостаточную активность широких народных масс. Поэтому он и сказал в газетном отчете в 1913 г.: «Но первая задача РСДРП — воспитывать массы для демократической революции».

Народ — это тысячи, миллионы; человек из народа — единица из миллионов, несущая в себе свойства и черты его. Единицу из миллиона, личность человека массы, стремился теперь понять Горький, проникнуть в сокровенные тайны его души.

И от этого проникновения в душу человеческую шел он к пониманию народной психики. Горький — писатель социалистического реализма. Он исследует жизнь, а не обозначает ее символами, как это делали декаденты.

Народ предстал на страницах «По Руси» в богатстве индивидуальных характеров с индивидуальными судьбами.

Впервые о своем намерении рассказать о «мимо идущих» людях он писал в ноябре 1910 года А. А. Амфитеатрову. Осенью 1912 года он уже отослал пять рассказов Д. Я. Овсяннико-Куликовскому с просьбой дать заголовок: «Русь. Впечатления проходящего».

...Ночью 4 мая

1910 года Горький и живший в это время на Капри русский писатель Ив. Бунин пошли смотреть комету и потом долго бродили по острову.

Это была обычная южная ночь. Море тихо дремлет, неподвижна его густая, темная вода. Вдруг взметнулся сноп золотых искр, — это случайный пловец потревожил водную гладь.

...Море уходит в синюю даль, где низко над ним повисло черное бархатное небо и звезды касаются воды.

Рядом с маленькой фигуркой Бунина Горький кажется еще выше, крупнее.

Воспоминания чаще приходят ночью. Горький рассказывает Бунину, как давно, почти двадцать лет назад, вот так же шел он берегом Черного моря по шоссе между Сухумом и Новороссийском и услышал чьи-то стоны.

Дальше шел рассказ о том, как довелось Горькому стать акушером для крестьянки, бредущей на юг в поисках работы и куска хлеба. Бунин был восхищен услышанным и советовал все это записать.

Когда рассказ «Рождение человека» в 1912 г. был создан, Бунин написал Горькому: «Горжусь, что уговорил Вас когда-то рассказать о рождении человека».

«Рождение человека» — рассказ о женщине, в которой как в крохотной дождевой капельке отразилась душа народа. Он начинается почти так же, как «Два босяка» (1894 г.), — и здесь, и там толпа голодающих, пришедших на Кавказ из России, ищущих работу. Но чем-то «Рождение человека» сразу и резко отличается — пространной пейзажной зарисовкой, заключающей в себе большое философское содержание.

Точность описания — «Это было в 92-м голодном году, между Сухумом и Очемчирами, на берегу реки Кодор, недалеко от моря», — уступает место возвышенно поэтическому песнопению во славу природы.

«Осенью на Кавказе — точно в богатом соборе, который построили великие мудрецы...

...Я вижу, как длиннобородые седые великаны, с огромными глазами веселых детей, спускаясь с гор, украшают землю, всюду щедро сея разноцветные сокровища, покрывают горные вершины толстыми пластами серебра, а уступы их — живою тканью многообразных деревьев, и — безумно-красивым становится под их руками этот кусок благодатной земли.

Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотой!»

Великолепие природы — залог человеческого благополучия и счастья. Это подарок, преподнесенный солнцем людям. Подарок, побуждающий их к творчеству, ибо все в природе полно творческой силой.

Но вот столь характерный для Горького резко контрастный переход в другую тональность: «порою бывает трудно, вся грудь нальется жгучей ненавистью!..»

А далее, как и в рассказе «Два босяка». Там — однотонная толпа серых измученных людей, среди которых ярко выделились два босяка. Здесь тоже «скучные люди, раздавленные горем». Это четверо мужиков и скуластая баба, молодая, беременная, с огромным, вздутым к носу животом, испуганно вытаращенными глазами синевато-серого цвета.

Но среди голодающих выделена теперь ничем не примечательная, простая русская крестьянка, так же задавленная нуждой и невзгодами, как и миллионы других. «В Сухуме у нее помер

муж». Душа ее смята и полна готовности нести безропотно новые испытания. Лишь изредка изливает она свою тоску в рыдающих словах заунывной песни:

Ой-да, милый...
Ой, миленок
дорогой...
Не судьба мне...
Боле видеться с
табой...

Женщина сидела за бараком на куче щебня, согнув шею и разглядывая свой живот. Ее надрывающая душу песня то смолкала, то вновь звучала, словно разрывая темную южную тишину. В черной душной темноте южной ночи этот голос напоминал «север, снежные пустыни, визг метели и отдаленный вой волков...» — что-то бесконечно русское, печальное, родное.

Чем полна эта душа, безответная и робкая? Может быть, и нет там ничего, кроме этой безответности и робости?

То, что происходит с женщиной, — заурядно. Никому и в голову не приходило искать в таком факте, как роды, что-то героическое. В литературе его просто обходили с равнодушной, а порой брезгливой деликатностью, издавна приученные церковью видеть в женщине и во всем, что связано с ней,

греховное, нечистое. Веками люди могли не замечать что-то прекрасное, мудрое, интересное. Приходил гений и, как Ньютон, изумленный падением еще одного яблока с дерева жизни, делал открытие.

Так и Горький воспел рождение новой жизни. Воспел в те годы, когда в буржуазной литературе женщина изображалась как «кобыла» (Горький говорил, что взял это грубое слово из журналов и газет),— грязно, извращенно. Он не побоялся деталей, о которых можно было сказать — это натуралистично. Ведь натуралистичность описания создается не предметом описания, а видением жизни.

Горький увидел и «страшное, нечеловеческое лицо» женщины с одичалыми, налитыми кровью глазами, и мучительные судороги, предшествовавшие появлению нового человека на свет, и «страшную боль надвое разделяющегося тела».

Все эти детали он подчинил поэтическому, полному внутреннего смысла сравнению: женщина извивалась, «как береста на огне».

Красота сгорающего, не холодная, мертвая, а дающая тепло, свет, щедрая, отдающая себя, воспевается в муках рождающей женщины. В

горении Горький видел изначальный и извечный смысл жизни, горение он противопоставлял гниению, которое эгоистично по сути своей, ибо не таит в себе ничего, кроме саморазложения.

Человек рождается среди роскошной южной природы. Вот «новейший орловец» лежит на куче золотых листьев, словно в драгоценной колыбели.

Кавказский пейзаж — здесь не столько фон, сколько философская инструментовка рассказа. «Вот я на узкой, серой полосе дороги, справа качается густо-серое море; точно невидимые столяры строгают его тысячами фуганков — белая стружка, шурша, бежит на берег, гонимая ветром, влажным, теплым, пахучим, как дыхание здоровой женщины».

«Идти легко, точно плывешь в воздухе. Приятные думы, пестро одетые воспоминания ведут в памяти тихий хоровод; этот хоровод в душе — как белые гребни волн на море, они сверху, а там, в глубине,— спокойно, там тихо плавают светлые и гибкие надежды юности, как серебряные рыбы в морской глубине.

Дорогу тянет к морю, она, извиваясь, подползает ближе к песчаной полосе, куда взбегают волны,— кустам тоже хочется заглянуть в лицо волны, они наклоняются через

ленту дороги, точно кивая синему простору водной пустыни. Ветер подул с гор — будет дождь».

Такое видение мира утверждало активное творческое начало в природе. Все в ней движение, все в ней созидание красоты. Все в ней убеждает, что мир — прекрасен и надежда воплотится в явь.

Образ крестьянки-роженицы вырастает в символ материнства, в символ живой, земной, неугасимой силы.

«Эка силища звериная»,— говорит автор-рассказчик, когда видит, как женщина, для которой он только что оказался случайным акушером, пошатываясь, идет от моря, омытая, незнакомой ей раньше, соленой морской водой. Идет — и точно светится изнутри извечным светом материнства.

Образ ее словно сливается с природой, в которой все полно «силищи», ярко, непобедимо. Природа и человек,— то, что казалось контрастом, становится гармонией, созвучием. Но рождается новый контраст, который был для Горького главным его открытием. Жалкая, приниженная судьба незаметных, маленьких людей и огромная нравственная сила, красота, извечная способность к творчеству жизни, затаившаяся в скромной душе их.

Еще не

оправившись после родов, уже шагает орловская женщина, мать, к своей неизвестной судьбе. «Иногда мать останавливалась, глубоко вздыхая, вскидывая голову вверх, оглядывалась по сторонам, на море, на лес и горы, и потом заглядывала в лицо сына — глаза ее, насквозь промытые слезами страданий, снова были изумительно ясны, снова цвели и горели синим огнем неисчерпаемой любви.

Однажды, остановившись, она сказала:
«Господи-боженька!

Хор ошо-то как, хорошо! И так бы все — шла, все бы шла до самого ажа до краю света, а он бы, сынок,— рос, да все бы рос на приволье, коло матерней груди, родимущка моя...»

Море шумит, шумит...»

Простой человек, раздвигая связывающие его путы, поднимается, расправляет плечи и шагает по земле, как единый творец и созидатель всего,— сам не ведая еще своей силы, не понимая значения своего.

Образ такого тысячерукого гиганта — в рассказе «Покойник».

Судьба умершего крестьянина повторяет судьбу миллионов других тружеников. Он лежит в гробу строг и важен, словно додумывая свою

единственную «гневную» думу. На сером пятне сорочки двумя буграми лежат темные кисти рук; пальцы кривые, даже и смерть не расправила их».

Лицо мыслителя и руки сеятеля.

Простой это был человек, незаметный в людях, как грач среди грачей, а был он не грач — белый голубь, и никто того не знал, только я... да! И вот удалился он «от горьких работы фараони...» — говорит об умершем дьякон Демид, человек трудной и горькой жизни.

Рассказ соткан из многих судеб, чем-то близких и похожих. Лежащий в гробу Василь, и дьякон Демид, и многие другие, совопросники души, еще не до конца понявшие друг друга.

Живет в них искорка, мерцает, но не гаснет. Она-то и заставляет быть несогласными с вековыми устоями, противиться им, ходить по земле, взыскавая правды, и везде творя свой повседневный, неизмеримо великий труд-

Рассказчик, волею случая столкнувшийся с этой нелегкой человеческой судьбой, стоя у гроба умершего крестьянина, размышляет:

«Это сердце, переставшее жить,— все ли, о чем думало оно при жизни, сказано им на

земле, бедной мыслями сердца?»

В нем, в этом скромном труженике ищет писатель «мыслей сердца», мыслей, выстраданных всей жизнью его.

Он слышит, как горбатая старуха рассказывает жене умершего Василя,— когда «заторкали», «загрызли» люди ее Якова и не стало сил жить в старых местах, пришел к нему Андрей и сказал: «Не опускать бы тебе, Яков, рук, земля велика и везде дана человеку. Если здесь люди злы — это они от глупости и тесноты, и ты их за то не суди, живи просто: они — свое, а ты — свое! Тихо живи, а не уступай никому ничего и тогда одолеешь всех».

«Так и мой Василь говорил часто: они — свое, а мы — свое!» — произносит вдова.

«Они — свое, а мы — свое!» — это итог нравственных поисков таких людей, как Василь. Они еще думают, что жить надо «тихо», но уже противопоставляют несправедливости «свое», незыблемое. И уверены, что стойкость их непреоборима. Стойкость эта имеет незыблемую опору. Это — их труд, повседневный и незаметный,— великий труд созидателей земли.

«О, синьор, маленький человек, когда он хочет работать — непобедимая сила!» —

говорит один из героев сказки о прорытии Симплонского тоннеля («Сказки об Италии»), великолепной сказки о величии и красоте труда.

Люди прорыли тоннель, они встретились под землей, и каждый чувствовал: нет, я не даром жил. Труд дает человеку право на бессмертие, ибо его личный труд — частица в огромном труде всего народа.

Рассказ «Покойник» — о бессмертии труженика.

«Я знаю, что умер маленький, обычный человек, но думаю обо всей работе его, и она мне кажется поражающе большой... Вспоминаются недозрелые измятые колосья в колеях степной дороги, ласточка в синем небе, над золотой парчой хлебов, степной коршун, застывший в пустоте, над широким кругом земли...»

Образ золотого колосающегося поля возникает не раз в рассказе «Покойник». Это поле — его бессмертие, ибо в нем воплотилась работа его рук.

Рождается образ-гипербола, воплощающий дела и жизнь маленького человека.

«...Я смотрю сквозь дрему в его темное загадочное лицо и думаю о человеке, который не одну тысячу раз прошел по своей полосе на этой земле, в заботе о том,

чтобы мертвое претворилось в живое. Возникает странный образ: по степи пустынной и голой ходит кругами, все шире охватывая землю, огромный тысячерукий человек, и следом за ним оживает мертвая степь, покрываясь трепетными сочными злаками, и все растут на ней села, города, а он все дальше по краям идет, идет, неустанно сея живое, свое, человечье. Уважительно и ласково думается об всех людях земли; все призваны таинственной силой, в них живущей, победить смерть, вечно и необоримо претворяя мертвое в живое, все идут смертными путями к бессмертию, поглощает людей сень смертная и — не может поглотить».

Символический образ сеятеля-богатыря наметился в представлении Горького еще в 1909 году.

В письме к Федору Шаляпину Алексей Максимович, размышляя о значении задуманной Шаляпиным автобиографии, писал ему:

«Ах, черт тебя возьми, ужасно я боюсь, что не поймешь ты национального-то, русского-то значения автобиографии твоей. Дорогой мой, закрой на час глаза, подумай! Погляди пристально—да увидишь в равнине серой

и пустой богатырскую фигуру гениального мужика!»

Горький хотел заставить Шаляпина проникнуться мыслью о национальном значении его таланта, в котором пролетарский писатель видел по капле собранное духовное достояние миллионов людей, составляющих великий народ.

«Такие люди, каков он,— писал Горький И. Е. Бунину о Шаляпине,— являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ!».

И бесспорно, в тысячеруком человеке, засевающем и обновляющем землю,— блестящее развитие образа Человека (поэма «Человек», 1903 г.), мужественно движущегося по земле «к победам над всеми тайнами земли и неба».

Великолепная абстракция, рожденная мудрым предчувствием гения, воплотилась в образ вечного труженика, Маленького и Великого человека. Так в 1910-е годы в творчестве Горького рождается новый контраст, извлеченный им из глубин народной жизни, ставший для него в эти годы определяющим законом творчества — в малом отражать великое.

Образ бескрайней

южной степи, подобный в
цветении своем золотому
морю, где колосья по
грудь, а дорога узка и
незаметна, вырастает в
символ земли, несущейся
в объятиях рдяно-
красного солнца по «си-
нему небу», по которой
широко шагает «всех
питатель», творя на ней
доброе и прекрасное.

Южная
ослепляющая яркость
Кавказа, ширь, напоенная
солнцем, весь этот
пейзаж служит одной це-
ли — художественному
утверждению простого
человека, маленькой
частицы того великого,
имя которому народ.